

Анатолий Хазанов

Университет Висконсин в Мэдисоне, США

НАЦИОНАЛИЗМ, РЕГИОНАЛИЗМ И ТРАЙБАЛИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Введение

После обретения независимости политические элиты в странах Центральной Азии продолжили конструирование этнических наций, начатое в советский период. Наиболее важными мерами для этого являются соответствующая языковая политика, создание новых национальных нарративов, национализация общественной сферы, риторика постколониализма и некоторые другие. Этнические меньшинства подвергаются определенной дискриминации, и большинство людей европейского происхождения уже покинули регион. Однако этнические нации все еще остаются недостаточно консолидированными, и субнациональные группы, основанные на локальных, региональных и племенных идентичностях и лояльностях, играют большую роль во всех сторонах жизни центральноазиатских стран. Именно между элитами таких групп идет борьба за власть в этих странах. Тем не менее правящие политические элиты уже приобрели замкнутый и корпоративный характер. Эта ситуация оставляет мало надежд на демократизацию региона в ближайшем будущем.

Советский период

В колониальный период в Центральной Азии преобладали политические, религиозные, локальные и племенные идентичности, в то время как этнические были весьма слабыми и аморфными. Тем не менее уже в 1920-е гг. советская власть смело вступила на путь этнического инжиниринга и так называемого национального строительства в регионе (Абашин 2007).

¹ Современная Центральная Азия привлекает к себе все большее внимание исследователей, как российских, так и особенно западных (см. например, Васильев 1998; Roy 2000; Jones-Luong 2004; Collins 2006; Kavalski 2010 и многие другие). Ограниченный объем данной статьи позволяет мне сделать лишь выборочные ссылки на соответствующие работы, но это отнюдь не означает, что я недооцениваю их важность.

Если не в теории, то на практике, советские коммунисты разделяли взгляды своих идеологических и классовых противников на то, что нации должны основываться на этно-территориальных и примордиалистских принципах. Поэтому они прежде всего приступили к этно-территориальному размежеванию в регионе. Эта политика включала в себя создание так называемых союзных и автономных национальных республик, их территориальное размежевание, фиксированную этническую идентификацию, которую нельзя было добровольно изменить, этническую консолидацию, то есть поощрение ассимиляции некоторых этнических групп теми, которые были избраны в качестве титульных в соответствующих республиках и много других мер. Все они были отнюдь не легким мероприятием и заняли много времени – от начала 1920-х гг. до 1936 г.

Тем не менее совпадение политических и этно-национальных границ никогда не было достигнуто в центральноазиатских советских республиках. Справедливости ради надо заметить, что даже при самых благих намерениях последовательное политико-территориальное размежевание региона на основе этнического принципа было очень трудным, почти невозможным делом. Так, иногда члены различных этнических групп проживали на одной территории. В других случаях их территории были отделены друг от друга территориями, занятыми другими этническими группами. Но советское этно-национальное размежевание Центральной Азии иногда было весьма произвольным, потому что оно диктовалось специфическими политическими соображениями. Например, узбекские коммунисты пользовались большим влиянием в Центре, чем таджикские. Поэтому они победили в территориальном споре и многие таджикские районы были включены в состав Узбекистана. В то же время некоторые районы, населенные узбеками, были отданы Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану, а некоторые районы, населенные казахами, переданы Туркменистану и Узбекистану.

Каждая новая этническая нация в Центральной Азии получила свою квази-государственную структуру и функциональную администрацию. Каждая из них получила также свой собственный литературный язык, как правило, основанный на диалектах, наиболее отдаленных от других родственных языков. Каждая новая этно-нация в Центральной Азии получила также свою версию исторического нарратива. В них уникальность, отличия от других этно-наций в регионе и их якобы примордиальный характер были очень преувеличены, а их общие характеристики, равно как и история региона в целом, были всячески затемнены. Национальные историографии, созданные в советское время, были направлены на компартиментализацию этнической и культурной истории Центральной Азии.

В целом, так называемое „национальное строительство” в Центральной Азии достигло определенных успехов. Оно привело к интериоризации самого представления о новых этнических нациях в умах, представлениях и поведении их членов. В этом отношении, как и в случае многих других наций во всем мире, образование, средства массовой информации и пропаганды, и не в последнюю очередь, административные структуры и институты играли важную консолидирующую роль. Однако успех советского национального строительства в Центральной Азии был довольно относительным. Этнонациональные идентичности в регионе оставались иерархическими. Человек считал себя принадлежащим к определенной этнической

нации только в отношении других этнических наций. Но внутри этих наций локальные и другие группы более низкого уровня оставались важными в его самоидентификации и играли большую роль в его лояльностях.

В целом, советская национальная политика была весьма противоречивой. Она была направлена на конструирование этнических наций и стремилась к их модернизации. В то же время она подавляла любые проявления национализма, не понимая, что именно национализм является побочным продуктом модернизации. Советские власти знали, что субнациональные группы и их конкуренция друг с другом препятствуют национальной консолидации. Но они не пытались ослабить их и даже молчаливо поощряли, чтобы ослабить консолидацию политических элит в центральноазиатских республиках. Эта непоследовательность и противоречивость оказала значительное влияние на национальную ситуацию в Центральной Азии в постсоветский период.

Постсоветский период

Некоторые западные ученые предсказывали, что центральноазиатские республики первыми провозгласят свою независимость (Carrere-d'Encausse 1979). На самом деле они оказались последними и сделали это весьма неохотно. Обычно это объясняется их экономической зависимостью от Москвы. Я думаю, что для этого были и другие причины. В отличие от многих других советских республик, в центральноазиатских отсутствовали популярные национальные движения, стремящиеся к независимости. Поэтому коммунистические лидеры в регионе не спешили перенять националистические лозунги и цели для того, чтобы остаться у власти. Надо также учитывать, что в период перестройки Москва сменила политическое руководство во многих центральноазиатских республиках. Новые лидеры еще не были уверены в том, что без ее поддержки они сумеют сохранить свои позиции. Последовавшие события в Таджикистане и Кыргызстане показали, что в некоторых случаях они были правы. Тем не менее, как только политические элиты в Центральной Азии поняли, что дезинтеграция Советского Союза неизбежна, они, оставаясь авторитарными (Khazanov 2011), немедленно выбросили за борт коммунистическую идеологию как легитимизацию их власти. Вместо нее они приняли националистическую идеологию. Это было так же занятно, как если бы убежденный атеист вдруг стал кардиналом, не прожив и дня как обычный прихожанин. Тем не менее идеология национализма помогла политическим элитам нейтрализовать или даже заручиться поддержкой некоторых слоев коренного населения, особенно интеллектуальных и культурных элит.

Новое национальное конструирование

С самого начала новая официальная идеология и практика предполагали этнический, но отнюдь не гражданский (*civil*) национализм. Так, Казахстан немедленно предоставляет гражданство, так называемым *оралман*, казахам, эмигрирующим из других стран. Но сородичи этнических меньшинств, которые могли бы пожелать

переселиться в страну, таких прав не имеют. Однако к моменту распада Советского Союза этнические нации в Центральной Азии все еще находились в процессе своего становления. Поэтому политические и культурные элиты предпринимают определенные меры для их дальнейшей консолидации. Среди них можно отметить следующие:

Доступ к власти. В той или иной мере конституции, не говоря уже о практике, всех центральноазиатских стран, подразумевают преимущественные права их титульных этнонаций. Предполагается, что именно им, и им только, принадлежат соответствующие страны. Специальные статьи в конституциях центральноазиатских стран устанавливают, что их президенты должны владеть государственным языком. Это почти автоматически подразумевает, что таковыми могут быть только представители этнического большинства. Многие другие открытые или завуалированные меры во всех центральноазиатских странах направлены на то, чтобы гарантировать доминирующее положение представителей этнического большинства в правительстве, администрации, экономике и других сферах деятельности. Во всех схемах приватизации, весьма различных в индивидуальных странах, преимущество всегда отдавалось членам этнического большинства.

Языковая политика. После обретения независимости все страны Центральной Азии приняли специальные законы о языке, провозглашавшие, что языки этнического большинства становятся государственными языками. Дальнейшей целью было сделать эти языки единственными языками правительства и административного аппарата. Однако проведение новой языковой политики на практике столкнулось со многими трудностями, особенно в Казахстане и Кыргызстане. Оказалось, что последствия лингвистической русификации, практиковавшейся в советское время, не могут быть преодолены за несколько лет. Многие казахи и кыргызы, члены политических элит в своих странах, владеют русским языком лучше, чем казахским или кыргызским, или вообще не владеют ими. Даже в Туркменистане в начале 2000-х годов заседания Совета Министров все еще проводились на русском языке. Во всем регионе русский язык сохраняет сильные позиции в межэтническом общении, бизнесе, науке и профессиях. Тем не менее, незнание или недостаточное владение государственными языками еще более ограничивает возможности найти занятость в административном аппарате для членов этнических меньшинств. Многие молодые русские, решившие остаться в Казахстане, говорили мне, что они спешно учат казахский язык. Для того, чтобы еще более ослабить позиции русского языка, Узбекистан и Туркменистан официально приняли латинский алфавит для своих государственных языков (Космарский 2003), а Казахстан намерен сделать это в близком будущем.

Новые национальные нарративы. По сравнению с советским периодом они претерпели очень серьезную ревизию и стали инструментом в политике, направленной на дальнейшую консолидацию и легитимизацию этнических наций (Koroteyeva, Makarova 1998). Однако они по-прежнему заменяют историю отдельных стран и центральноазиатского региона в целом мифологизированной историей титульных этнических наций. Новые нарративы представляют их возникновение и существование, как почти телеологический процесс. Они отрицают, что эти на-

ции являются новым феноменом в регионе. Напротив, они утверждают, что соответствующие нации существовали с незапамятных времен (Шнирельман 2009). Ограничусь несколькими примерами.

Узбекский, туркменский и казахский нарративы утверждают, что древние ираноязычные кочевники Центральной Азии на самом деле говорили на тюркских языках. Тем самым они представляются предками современных тюркоязычных народов в регионе. Эти нарративы также рассматривают все средневековые народы, жившие на территориях современных государств в Центральной Азии как предков нынешних титульных этнонаций. Но и это далеко не всегда кажется достаточным. Нередко официальные нарративы утверждают, что многие территории других государств также принадлежали их предкам.

Так, официальный таджикский нарратив фактически стирает различия между древним и средневековым ираноязычным населением Центральной Азии и других регионов, таких, как Иран и Афганистан. Это позволяет ему представлять культурные и другие достижения практически всех ираноязычных народов, как таджикские. Таджики в этом нарративе предстают как законные наследники 2500-летней иранской цивилизации во всех ее вариантах. Кыргызы являются сравнительно новыми переселенцами на свою нынешнюю территорию. Но их нарратив преодолевает эту проблему, утверждая прямую преемственность между современной кыргызской этнонацией и енисейскими кыргызами, древним тюркоязычным племенным союзом на территории Сибири. В 2003 г. в стране с большой помпой отметили 2200-летний юбилей кыргызской государственности, которая якобы возникла во Внутренней Азии уже в 201 г. до н. э.

Но никто не может сравниться в этом отношении с покойным туркменским президентом, Ниязовым и его шедевром *Рухнама*, который в стране считался абсолютной истинной, такой же, как Коран (Туркменбаши 2005). В числе многого прочего в ней утверждается, что туркмены являются прямыми потомками Ноя, что туркменская письменность существует уже четыре тысячи лет, что все государства, созданные различными тюркоязычными народами, на самом деле были туркменскими, и даже, что основным историком американской конституции был Канун-намэ, законодательство жившего в 16 в. турецкого султана Сулеймана Великолепного, который, разумеется, считается туркменом. Эти, подчас неуклюжие попытки создания национальных мифологий легко критиковать. Но следует помнить, что все национальные нарративы в большей или меньшей мере включают в себя мифы. Страны Центральной Азии просто вступили на путь национального конструирования значительно позднее, чем европейские. Но они следуют уже установленным образцам. Главный вопрос заключается в другом, насколько эффективными являются новые нарративы в национальном конструировании? И можно заключить, что включенные в школьные программы, пропагандируемые в средствах массовой информации, произведения искусства и многими другими средствами, они оказываются весьма эффективными, тем более, что созданием новых нарративов дело не ограничивается.

Поиски национальных героев. Они должны заменить героев советского времени. Узбекские власти выбрали на эту роль Тимура, одного из самых жестоких тиранов в мировой средневековой истории (Negarty 1995). Его многочисленные памятники

нередко установлены на месте свергнутых памятников Маркса и Ленина. В школьных учебниках его государство, якобы демократическое и основанное на главенстве закона, представлено как важный предшественник современного Узбекистана. То, что сам Тимур считал себя барласом, то есть членом тюркизированного монгольского племени, а узбеки, тогда еще кочевые, были его врагами, никого не смущает.

Поиски славных предков сопровождается борьбой за них. Так, таджикские и узбекские нарративы яростно борются за право считать своими таких известных средневековых писателей, философов и врачей, как Фирдоуси, Саади, Хафиз и многих других.

Казахстанская националистическая историография в этом отношении является сравнительно умеренной. Она претендует только на ал-Фараби, известного ученого, жившего в 10 в., и возможно родившемся в Фарабе, на территории современного Казахстана. То, что ал-Фараби большую часть своей жизни прожил в Багдаде, умер на территории Сирии, и что даже место его рождения точно не установлено, казахстанских лидеров и обслуживающих ученых, не беспокоит. Национальный Университет в Алматы называется теперь Университетом имени ал-Фараби, многие улицы в различных городах страны получили его имя, два памятника ученого установлены в старой и новой столицах, а его портрет появился даже на банкнотах.

Национализация общественной сферы является еще одним аспектом национального конструирования. К ней относятся переименование улиц и городов, демонтаж старых монументов и воздвижение новых, новые праздники, особенно дни независимости, новый государственный символизм, якобы отражающий этническую иконографию соответствующих независимых государств.

Риторика постколониализма и позиция жертвы стали неотъемлемой частью национальных нарративов. Ничего необычного в этом нет. Это наблюдается сейчас в очень многих других странах. Почти каждый стремится представить себя как жертву. Обвинять других в собственных недостатках и провалах всегда дело легкое, комфортабельное, а к тому же иногда и выгодное.

В современных национальных нарративах в странах Центральной Азии много внимания уделяется реальным или воображаемым несправедливостям, которые они претерпели в царский и советский периоды. Главная вина за это прямо или несколько завуалировано возлагается на русских, как доминирующую нацию в Российской Империи и ее преемнике – Советском Союзе. Любое сопротивление им, включая вооруженные восстания, которые в советское время осуждались как реакционные, теперь прославляются как национально-освободительные движения. Уже в 2001 г. в Узбекистане открылся Музей жертв царистских и советских репрессий (Абашин 2009). Аналогичный Музей советских репрессий был открыт в Алматы в 2003 г., причем в здании, где в советское время помещалось КГБ. В России имеется очень мало памятников, посвященных жертвам политических репрессий и ни один из них не упоминает, кто именно были их инициаторами и исполнителями. Но памятник в Астане, новой столице Казахстана, делает это абсолютно ясным. Он посвящен жертвам коммунизма. (По не совсем понятным для меня причинам этот памятник был впоследствии демонтирован). В отличие от России, где уничтожаются или искажаются последние остатки советских концлагерей, в Казахстане они бережно сохраняются и музеефицируются.

Критический вопрос заключается в том, насколько успешной является политика, направленная на конструирование этнических наций? На мой взгляд, она способствует их определенной консолидации. Национализм и как идеология и как политическая практика является очень притягательной силой. За последние 150 лет ученые самых различных идеологических направлений предсказывали его неизбежный и скорый закат. Но я всегда считал и продолжаю считать, что эти утверждения являются всего лишь благими пожеланиями (Khazanov 2005). И в наше время нации и национальные государства (*nation state*) остаются высшим пределом человеческой лояльности и самоидентификации. В этом отношении страны Центральной Азии не являются исключением. Очень немногие люди в этом регионе довольны своим политическим и особенно социально-экономическим положением. Но еще меньше тех, кто готов расстаться с независимостью своих стран или своим членством в доминирующих этно-нациях.

Этнические меньшинства

Почти во всех странах Центральной Азии имеются многочисленные этнические меньшинства и их отношения с этническим большинством нередко являются весьма напряженными. Большинство русских и других людей европейского происхождения уже покинули регион. Большинство из них поселилось в России (Панарин 1999; Савоскул 2001). Покидают Центральную Азию и корейцы, которых Сталин выселил с Дальнего Востока в 1937 г. (Хан, Сим 2014, с. 118). Немцы и евреи уехали в Германию и Израиль. Весьма значительное русское население сохранилось только в Казахстане.

Однако в Узбекистане проживает много таджиков, в Кыргызстане и Казахстане – много узбеков, в Узбекистане и Туркменистане есть казахское меньшинство и т.д. В большей или меньшей степени все они занимают неравноправное положение по сравнению с доминирующими этно-нациями. Тем не менее отношение к ним в индивидуальных странах имеет некоторые различия. Так, в Кыргызстане периодически возникают кровавые погромы, направленные против живущего на юге страны узбекского меньшинства. В наиболее серьезном из них, произошедшем в городе Ош, погибло более 400 человек. В Узбекистане политика направлена на ассимиляцию таджиков и уйгуров. Членов этих этнических меньшинств поощряют, а нередко даже принуждают к тому, чтобы они записались узбеками во всех официальных документах. Казахи, проживающие в Узбекистане и Туркменистане, не встречают никаких препятствий в тех случаях, когда они желают переселиться в Казахстан.

Тем не менее, сепаратистские и ирредентистские движения в Центральной Азии остаются очень слабыми или даже не существуют вовсе. Одна из причин этого заключается в том, что они подавляются в зародыше властными структурами соответствующих государств. Другая причина связана с тем, что судьба этнических соотечественников мало заботит руководство тех стран, в которых они составляют большинство. Гораздо важнее для них стабильность в их собственных странах. В какой-то мере сепаратистские настроения прослеживаются в Каракалпакии, автономной республики в составе Узбекистана, но судя по всему в настоящее время они затронули только меньшинство ее населения (Hogák 2014). Проявления сепаратизма отмечены также на Памире, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана,

население которой говорит на языках, существенно отличающихся от таджикского (Asim, Roofi, Mahesar 2017).

Субнациональные группы и идентичности

Несмотря на успехи в конструировании этнонаций, достигнутые центральноазиатскими странами, роль субнациональных групп в их повседневной жизни и внутренней политике остается весьма значительной. Более того, без контроля всесоюзного центра она стала еще более важной и заметной. Хотя правящие элиты пропагандируют идеологию национализма, которая должна способствовать объединению всех членов этнических наций, их состав и способы рекрутирования отнюдь не представляют эти нации в целом. Все формальные государственные структуры проникнуты сетями неформальных связей, основанных на локальных, региональных, кровно-родственных и племенных идентичностях и лояльностях.

Субнациональные и даже субэтнические группы не только продолжают существовать. Они играют активную роль в общественном сознании, предпочтениях и поведении – от личных отношений и выборе брачных партнеров до продвижения в социальной и политической иерархии. Вместо открытой конкуренции, основанной на ясных и равных для всех правилах игры, рекрутирование в политические элиты в Центральной Азии осуществляется посредством патронажа, групповых связей и личной лояльности. Такие неформальные связи пронизывают все слои общества сверху до низу. Основанные на личном и групповом доверии они способствуют коррупции, выгоды от которой, в свою очередь, перераспределяются через сеть неформальных связей.

В Казахстане старая поговорка „тот, кто не знает семь поколений своих предков, является неполноценным человеком” актуальна и сегодня. Принадлежность к определенному жузу (в прошлом нечто вроде племенной конфедерации) и даже к определенному племени, все еще важны для получения выгодной и престижной работы или продвижения по службе. Наиболее важные позиции в руководстве страны заняты членами Старшего жуза, которые в известной мере должны делиться властью с членами Младшего жуза, потому что именно на территории последнего находятся основные запасы нефти. В то же время большинство организованной оппозиции, все еще существовавшей в стране в 1990-х годах, состояло из членов Среднего жуза (Масанов 2006; Schatz 2004, с. 97).

В Узбекистане политические элиты состоят из членов территориальных групп, которые в научной литературе получили распространенное, но совершенно неверное название „кланов”. Основными группами являются самаркандская, бухарская, ташкентская, ферганская, хорезмская, сурхандарьинская и кашкадарьинская. Примечательно, что среди элиты самаркандской группы встречаются и таджики, правда, как правило, только на второстепенных позициях.

Такие группы сформировались уже в советское время, и Москва, прекрасно осведомленная об их существовании, фактически поощряла их конкуренцию, руководствуясь принципом *divide et impera*. После достижения независимости при президенте Каримове власть была сосредоточена в руках самаркандской группы и ее союзников из числа ташкентской группы. Элиты других групп были оттеснены

на менее важные позиции в центре, хотя они сохраняют доминирующие позиции в своих регионах. Ферганская группа потеряла свое былое влияние в стране после кровавого подавления антиправительственных выступлений в Андижане, в 2005 г. Нынешний президент страны Мирзиёев также принадлежит к самаркандской группе.

В Туркменистане президент Ниязов принадлежал к самому многочисленному в стране племени текэ. Именно из членов этого племени, особенно из его ахалтекинского подразделения, он выбирал своих наиболее доверенных подчиненных. Большинство прежней элиты советских времен, которое подверглось чисткам за время его правления, было членами других племен (Akbarzadeh 1999). Племенное сознание еще столь сильно в Туркменистане, что даже некоторые представители оппозиции, живущие сейчас за пределами Туркменистана, представляют себе демократизацию страны только как превращение её в федерацию автономных племен (Демидов 2002; Кадыров 2003).

Многие годы после достижения независимости в Таджикистане происходила борьба за власть между северными и южными региональными группировками, борьба столь ожесточенная, что в конечном счете она привела к гражданской войне, в ходе которой погибло около 100 тысяч человек (Бушков, Микульский 1996; Zviagelskaia 1997). Ее иногда понимают, как борьбу между бывшими коммунистами и секуляристами, с одной стороны, и исламистами, с другой. Однако ее можно лучше объяснить, как борьбу между региональными группировками, которые по различным причинам избрали различные политические ориентации и идеологические одеяния. В конце концов, объединение кулябской, худжанской и гиссарской группировок с помощью России победило союз гармской, каратегической и памирской группировок, но вооруженные столкновения и мятежи продолжались и позднее. В настоящее время лидирующие позиции в политической элите страны захватили члены кулябской (хотлонской) группировки. Эта ситуация вызывает большое недовольство других региональных группировок.

В Кыргызстане трайбализм проявляется в наиболее чистом виде. Элиты северных племен и племенных объединений составили опору первого постсоветского президента, Акаева происходившего из племени сарыбагыш, в то время как элиты южных племен были недовольны тем, что их роль в управлении государством и перераспределении национального дохода слишком мала. В последовавшей в 2005 г. „революции тюльпанов” Акаев был смещен с власти. Новый президент, Бакиев, был выходцем с юга (племя кыпчак) и немедленно окружил себя членами южных племен. В 2010 г. после новых беспорядков, президентом стал северянин Атамбаев (племя кытай) и старый баланс власти был восстановлен. Однако Атамбаев пытался несколько расширить свою базу и привлекал к управлению некоторых южан. Его нынешний преемник и ставленник Жээнбеков южанин из племени адигине. В целом, проблема баланса власти между северянами и южанами остается в Кыргызстане острой и нерешенной.

Что будет в будущем?

Нынешняя ситуация в странах Центральной Азии оставляет мало надежд на их демократизацию в близком будущем. Большинство рядового населения в регионе

воспринимает сложившуюся социально-политическую иерархию, основанную на локальных, региональных и племенных связях, как вполне естественную. Как гласит кыргызская пословица, „поднимай свой род и твой род поднимет тебя”. Лица, не включенные в подобные связи, обречены на жизнь в социальном вакууме. И пока государство остается авторитарным и контролирует основные экономические ресурсы, сложившаяся ситуация едва ли может существенно измениться.

В настоящее время политические элиты в Центральной Азии приобрели корпоративный характер. Авторитарные лидеры обладают большой свободой в продвижении или отстранении от власти индивидуальных членов этих элит. Но они не смеют покушаться на их корпоративные прерогативы и привилегии. Внутри этих элит может происходить борьба за выбор нового лидера, но победитель должен обязательно происходить из их среды. Именно это и наблюдается в отдельных центральноазиатских странах.

Когда в Туркменистане новый президент Бердымухамедов пришел к власти с нарушением конституционных норм, по мнению наблюдателей, он немедленно начал чистку индивидуальных членов прежней элиты. Но ахалтекинцы в целом сохранили свои доминирующие позиции среди туркменской политической элиты. После смерти президента Каримова другой член самаркандской группировки, Мирзиёев, был немедленно назначен его преемником. Это опять же, по некоторым сообщениям, было сделано с прямым нарушением конституции. Однако только некоторые западные обозреватели, но отнюдь не жители Узбекистана, обратили на это внимание.

Более того, в настоящее время в странах Центральной Азии наблюдается стремление к дальнейшей иерархизации и консолидации политических элит. Нынешние лидеры, похоже, стали предпринимать меры для того, чтобы сделать свою власть наследственной. Именно этим, по мнению наблюдателей, заняты сейчас президенты Таджикистана и Туркменистана, всячески продвигая на руководящие позиции своих сыновей и, когда надо, меняя для этого законодательную базу. Президент Казахстана предпринимает сложные маневры, в том числе конституционные, чтобы в будущем сохранить власть в своей семье.

Так в настоящее время обстоят дела в Центральной Азии. Политические режимы в них, несмотря на все межэтнические, региональные и племенные различия и противоречия, выглядят достаточно консолидированными и способными к успешному подавлению всех протестных движений и волнений. Однако, возможно, что подобная стабильность всего лишь иллюзия. Количество тех, которых можно причислить к политическим элитам, уменьшается, потому что уменьшается и пирог, который они делят между собой. Растет число отдельных людей и целых групп, которые очень недовольны тем, что они были вытеснены из политических элит. Для региональных элит доступ в центральные становится все более трудным, и они тоже недовольны сложившимся положением. Между тем, по моему мнению, нет надежд на улучшение экономического, демографического и социального положения в регионе. Широко распространенная бедность, повсеместная коррупция на всех уровнях общества, высокая безработица, деградирующие медицинское обслуживание, образование и инфраструктура, недостаточные инвестиции стали нормой. Некоторое исключение в этом отношении является только богатый нефтью

Казахстан. Многие семьи в Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане, а теперь также и в Туркменистане, сводят концы с концами только с помощью тех их членов, которые работают в России и в меньшей мере в Казахстане в качестве низкооплачиваемых и нещадно эксплуатируемых гастарбайтеров. Не удивительно, что среди рядовых людей широко распространена апатия, потому что они не верят, что могут что-нибудь изменить с помощью легального политического процесса. Но в условиях, когда демократическая и секулярная оппозиция в регионе практически подавлена, все больше людей обращаются к радикальному исламу, как единственно возможной альтернативе. И всё это может привести к непредсказуемым последствиям.

Библиография

На русском языке

- Абашин Сергей Николаевич, 2007, *Национализмы в Средней Азии: В поисках идентичности*, Алетейя, Санкт-Петербург.
- Абашин Сергей Николаевич 2009, *Мустакиллик* и память об имперском прошлом. Проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий, *Неприкосновенный запас*, по. 66, с. 37-54.
- Бушков Валентин Иванович, Микульский Дмитрий Валентинович 1996, *История гражданской войны в Таджикистане*, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва.
- Васильев Алексей Михайлович (ред.), 1998, *Постсоветская Центральная Азия: Потери и обретения*, Восточная Литература, Москва.
- Демидов Сергей Михайлович 2002, *Постсоветский Туркменистан*, Наталис, Москва.
- Кадыров Шохрат Ходжакович 2003, «Нация» племен. *Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане*, Центр цивилизационных исследований, Москва.
- Космарский Артём Анатольевич 2007, Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX – начало XXI века), *Вестник Евразии*, том 3, по. 22, с. 62-85.
- Масанов Нурбулат Эдигеевич 2006, Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество, *Вестник Евразии*, том 1, по. 2, с. 46-61.
- Панарин Сергей Алексеевич 1999, Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана), *Диаспоры*, по. 2-3, с. 136-168.
- Савоскул Сергей Сергеевич 2001, *Русские нового зарубежья: Выбор судьбы*, Наука, Москва.
- Туркменбаши, Сапармурат Атаевич Ниязов 2005, *Рухнама*, Туркменская государственная издательская служба, Ашхабад.
- Хан Валерий Сергеевич, Сим Хон Ёнг 2014, *Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее*, МБА, Москва.
- Шнирельман Виктор Александрович 2009, Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии, *Политическая концептология*, по. 4, с. 192-212.

На английском языке

- Akbarzadeh Shahram 1999, National Identity and Political Legitimacy in Turkmenistan, *Nationalities Papers*, vol. 27, no. 2, pp. 271-290.
- Asim Muhammad, Roofi Yasmin, Mahesar Shuja Ahmed 2017, Ethnic Dilemma in Badakhshan Region: Implications on Pamiri Ethnic Group in Pakistan, *Grassroots*, vol. 51, no.1, pp. 331-344.
- Carrere-d'Encausse Helene 1979, *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt*, Newsweek Books, New York.
- Collins Kathleen 2006, *Clan Politics and Regime Transformation in Central Asia*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Hegarty Stephen 1995, The Rehabilitation of Temur: Reconstructing National History in Contemporary Uzbekistan, *Central Asia Monitor*, no. 1, pp. 28-35.
- Horák Slavomír 2014, Separatism in Uzbekistan? Karakalpakstan after Crimea, *The Central Asia – Caucasus Analyst*, vol. 16, no. 10, pp. 13-16.
- Jones-Luong Pauline (ed.) 2004, *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*, Cornell University Press, London.
- Kavalski Emilian (ed.) 2010, *Stable Outside, Fragile Inside? Post-Soviet Statehood in Central Asia*, Ashgate, Farnham.
- Khazanov Anatoly 2005, Ethnic and National Conflicts in the Age of Globalization: Withering Away, Persisting or Domesticated?, *Totalitarian Movements and Political Religions*, vol. 6, no. 2, pp. 271-286.
- Khazanov Anatoly 2011, Authoritarianism and its Consequences in Ex-Soviet Central Asia, [in:] *Ethnicity, Authority, and Power in Central Asia. New Games Great and Small*, R. L. Canfield, G. Rasuly-Paleczek (eds.), Routledge, London and New York, pp. 19-38.
- Koroteyeva Victoria, Makarova Ekaterina, 1998, The Assertion of Uzbek National Identity: Nativization of State-Building Process?, *Post-Soviet Central Asia*, I.B. Tauris, London, pp. 137-143.
- Roy Olivier 2000, *The New Central Asia. The Creation of Nations*, New York University Press, New York.
- Schatz Edward 2004, *Modern Clan Politics. The Power of "Blood" in Kazakhstan and Beyond*, University of Washington Press, Seattle and London.
- Zviagelskaia Irina Donovna 1997, *The Tadjik Konflikt*, Russian Center for Strategic Research and Political Studies, Moscow.

